

Моя история века

Приближается круглая дата, юбилей Котласа. Вскоре пройдут торжества, посвященные этому событию, выставка в краеведческом музее расскажет об истории края. Мы тоже уже на протяжении довольно долгого времени вносим свою лепту в освещение восьмидесяти лет существования нашего города. Соприкасаясь с этой темой, понимаешь, что история его — это история живущих здесь людей.

Наверняка есть старожилы, помнящие еще период Октябрьской революции, гражданской войны. Немало и тех, кто прошел раскулачивание, репрессии, был свидетелем

или участником второй мировой войны. Может быть, кто-то из вас, дорогие читатели, захочет написать нам о своей жизни, об исторических событиях, определивших

вашу участь. По желанию автора мы можем не указывать его имени. Откликнитесь: пережитые вами события — судьба нашей страны, ее живая история. Уверяю, мы с добротой и пониманием отнесемся к поведенному вами. Надеемся, что со временем у нас завяжется интересный и познавательный диалог. Можете приложить к написанному материалу фотографии, они будут возвращены. Итак, новая рубрика «Моя история века» с нетерпением ждет своих авторов.

У

Карл Егорович Узингер родился 10 марта в 1910 году в деревне Харьковка Гмелинского района Вологодской области. Немец, беспартийный, окончил четыре класса начальной школы.

Из воспоминаний: «В семье было нас семь человек: 4 брата, одна сестра, родители. Из братьев я один жив. Когда выехали, мы приехали на Алтай, в город Бийск. Я поступил слесарем, а потом меня с Алтая сюда взяли. Жена там осталась, потом вернулась на родину и замуж вышла, и сын пяти лет с ней остался.

22 января 1942 года приехали в Котлас. Ехали в телячьих вагонах по 50 человек в двухосном вагоне. Возили нас как трудармейцев, жили в овощехранилищах. Работали на мосту. Я был слесарем. Нашу одежду забрали, выдали казенную: чуни из автомобильных покрышек, ватные телогрейки перешивали из старья, так что рукава были разного цвета. На голове — шапка в виде ушанки без меха. Три раза кормили: баланда из зеленого капустного листа, ржаной муки, черпачка растительного масла. Собакам охранники варили кукурузную кашу. Нашу баланду собаки не ели. Некоторые люди сами старались голодать, чтобы их активировали.

Выли комиссии по активировке. Сактивировать не успели — здесь хоронили. Пока полную яму не накадают, не зарывали яму.

Подъем был в шесть

утра зимой и летом, выходных не было. Двенадцать часов работали, потом в бараки. Норму не выполнили — еще погонят. У меня была дизентерия. В третьем лагерьном лазарете лежал, за линией, там сейчас мастерская. А еще был лазарет между 52-й колонной и нашей. В лазарете давали 600 граммов хлеба и два раза баланду, а когда работаешь, да норму не сделаешь — 300 граммов.

Хирургом работал Курт Куртович. Он тоже был репрессированный немец с Поволжья. Штрель Андрей Христианович работал тоже в этих лазаретах невропатологом, были и вольнонаемные врачи. Уголовников с нами не было.

Сначала не было колючей проволоки, были свои командиры, но когда начался голод, стали разбегаться по деревням.

БЫТЬ БЫ ЖИВУ

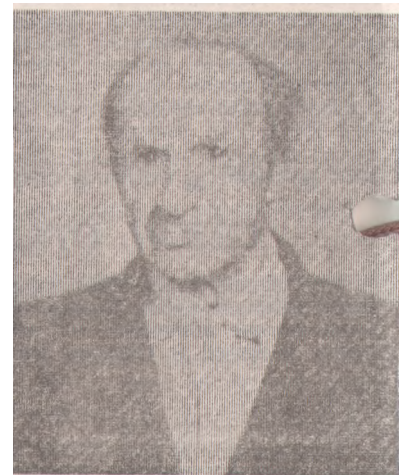
СУДЬБА РУССКОГО НЕМЦА

Этого человека уже нет в живых, но остались его воспоминания: краткие, без особых подробностей — основные факты биографии, но они раскрывают перед нами картину еще не столь далекого прошлого на конкретном примере. Сегодня не верится, что все описанные события происходили на нашей земле. Может быть, стоит иногда узнавать историю не по учебникам.

Тогда зону сделали Зона была до 1947 года. Начали тогда работать по найму, выдали временные документы, отмечались у коменданта Владимирова. Женился в 1949 году. С супругой прожил 40 лет, она умерла в феврале 1990 года. Детей было пятеро, сейчас в живых трое. Сын Балуев Владимир Карлович погиб на производстве в цехе ДСП осенью 1991 года.

В армии я не служил. Снят с учета в 1961 году. Работал составителем на Болтинской лесобазе. Всю жизнь на одном месте — в трудовой одна запись о приеме, одна об увольнении в связи с выходом на пенсию. Записи о поощрениях: две благодарности, премирован брьюками (1958 г.), премия 10 руб. (1961 г.), на доску Почета (1965 г.). Первоначальная пенсия — 77 рублей».

Премирован брьюками,

премия десять рублей, пенсия 77 рублей... после всех мытарств и скитаний. Но тогда ни у кого не было особых запросов. Как говорится: «Не до жиру, быть бы живу». Эта жизнь, эта судьба — уже история. Удивляешься, как люди могли пережить все, выпавшее на их долю, какие проявляли стойкость и терпение. Что оставалось им после перенесенных испытаний? Жить, работать дальше и надеяться на то, что такое не придется испытать больше никому и никогда.

Несколько лет назад Ирина Александровна Дубровина, председатель

общественного движения «Совесть», писала в Берлин:

«Недавно я посещала один дом. В нем живет очень старый человек, зовут его Карл Егорович Узингер... (описание биографии). Карлу Егоровичу сейчас 81 год, живет один, присматривает за ним внучка, которой всего 11 лет. Пенсия у Карла Егоровича очень маленькая. Думаю, что он был бы рад продовольственной посылке». Своего счастливого часа герою нашего рассказа так и не дождался. Уже позже германское правительство помогало выезжать русским немцам ка свою историческую родину вместе с семьями, и вряд ли кто-то из них счел нужным остаться здесь, в стране, где людей этой национальности просто уничтожали, лишали будущего.

С. ЛИСЯНСКАЯ.